

Константин Поливанов

«О ЛЮБВИ» И «ЧТО ТАКОЕ ИСКУССТВО»

В тот единственный раз, когда я была у Блока, я, между прочим, упомянула, что поэт Бенедикт Лившиц жалуется на то, что он, Блок, «одним своим существованием мешает ему писать стихи». Блок не засмеялся, а ответил вполне серьезно: «Я понимаю это. Мне мешает писать Лев Толстой».

*А. Ахматова
«Воспоминания об Александре Блоке»*

Глубокие и разнообразные связи сочинений А.П. Чехова с творчеством Л.Н. Толстого неоднократно фиксировались как современниками писателей, так и исследователями. «Предварительные итоги» этого богатого историко-литературного сюжета были подведены обстоятельной книгой, выдержавшей в свое время два издания [Лакшин 1975]. Из иных весьма многочисленных работ укажем статью, в которой устанавливается «литературное родство» княжны Марии Приклонской (рассказ Чехова «Цветы запоздалые») и толстовской княжны Марьи [Минц 2004: 269–271], и тщательно проведенное сопоставление рассказа «Анна на шее» с романом «Анна Каренина» [Щеглов 2013: 420–461].

Нам представляется, что частые следы сложного ироничного прикосновения к излюбленным толстовским те-

мам можно увидеть в маленькой трилогии и прежде всего в ее последнем рассказе «О любви».

Тему любви без преувеличения можно назвать ключевой для Толстого, где его мысли вступали в противоречие с представлениями современников, а часто вызывали полемику, что, несомненно, прекрасно осознавал автор «Войны и мира», «Анны Карениной», «Воскресения», «Дьявола» и «Крейцеровой сонаты».

Рассказ Чехова фактически начинается с небольшого сюжета о красивой Пелагее и ее «таинственной» любви к повару:

«Алехин рассказал, что красивая Пелагея была влюблена в этого повара. Так как он был пьяница и буйного нрава, то она не хотела за него замуж, но соглашалась жить так. Он же был очень набожен, и религиозные убеждения не позволяли ему жить так; он требовал, чтобы она шла за него, и иначе не хотел, и бранил ее, когда бывал пьян, и даже бил. Когда он бывал пьян, она пряталась наверху и рыдала, и тогда Алехин и прислуга не уходили из дому, чтобы защитить ее в случае надобности.

Стали говорить о любви.

— Как зарождается любовь, — сказал Алехин, — почему Пелагея не полюбила кого-нибудь другого, более подходящего к ней по ее душевным и внешним качествам, а полюбила именно Никанора, этого мурло, — тут у нас все зовут его мурлом, — поскольку в любви важны вопросы личного счастья — всё это неизвестно и обо всем этом можно трактовать как угодно. До сих пор о любви была сказана только одна неоспоримая правда, а именно, что “тайна сия велика есть”, всё же остальное, что писали и говорили о любви, было не решением, а только постановкой вопросов, которые так и оставались неразрешенными. То объяснение, которое, казалось бы, годится для одного случая, уже не годится для десяти других, и самое

лучшее, по-моему, — это объяснять каждый случай в отдельности, не пытаясь обобщать. Надо, как говорят доктора, индивидуализировать каждый отдельный случай» [Чехов 1986: 66].

Отметим, что у Чехова здесь дважды повторяется слово «мурло», которое четыре раза использует Толстой в повести «Казачи». Рассказывая в «Казачах» историю несостоявшегося союза Оленина и Марьяны, Толстой, кажется, впервые сопрягает два принципиально важных для него сюжетно-смысловых комплекса — любовь барина к «девушке из другого круга» и попытку руссоистского опрощения близкого автору героя. К моменту появления чеховского рассказа были написаны уже и «Анна Каренина», и «Дьявол», и «Воскресенье», в которых по-разному варьировались эти не оставлявшие Толстого мысли.

Алехин занимается с утра до ночи сельским хозяйством, но не из стремления к опрощению, о котором вслед за Олениным размышляли и Левин, и Нехлюдов: он видит в этом свой долг перед отцом:

«Я живу в Софьине и занимаюсь хозяйством уже давно, — начал Алехин, — с тех пор, как кончил в университете. По воспитанию я белоручка, по наклонностям — кабинетный человек, но на имении, когда я приехал сюда, был большой долг, а так как отец мой задолжал отчасти потому, что много тратил на мое образование, то я решил, что не уеду отсюда и буду работать, пока не уплачу этого долга. Я решил так и начал тут работать, признаюсь, не без некоторого отвращения. Здешняя земля дает не много, и, чтобы сельское хозяйство было не в убыток, нужно пользоваться трудом крепостных или наемных батраков, что почти одно и то же, или же вести свое хозяйство на крестьянский лад, то есть работать в поле самому, со своей семьей. Середины тут нет.

Но я тогда не вдавался в такие тонкости. Я не оставлял в покое ни одного клочка земли, я стогнял всех мужиков и баб из соседних деревень, работа у меня тут кипела неистовая; я сам тоже пахал, сеял, косил и при этом скучал и брезгливо морщился, как деревенская кошка, которая с голоду ест на огороде огурцы; тело мое болело, и я спал на ходу» [Чехов 1986: 67–68].

Рискнем предположить, что внешность Алехина и в особенности описание комнаты в его доме могли напоминать знакомый современникам Чехова, хотя бы по знаменитым репинским портретам облик Толстого, с оговоркой, что Толстой на портрете не в сапогах и не в кальсонах:

«На нем была белая, давно не мытая рубаха с веревочным пояском, вместо брюк кальсоны, и на сапогах тоже налипли грязь и солома. Нос и глаза были черны от пыли. Он узнал Ивана Иваныча и Буркина и, по-видимому, очень обрадовался» [Чехов 1986: 56].

Живет Алехин в комнате «со сводами», напоминающей комнату в доме в Ясной Поляне, где долгое время помещался кабинет писателя:

«— Пожалуйста, господа, в дом, — сказал он, улыбаясь. — Я сейчас, сию минуту.

Дом был большой, двухэтажный. Алехин жил внизу, в двух комнатах со сводами и с маленькими окнами, где когда-то жили приказчики; тут была обстановка простая, и пахло ржаным хлебом, дешевой водкой и сбруей. Наверху же, в парадных комнатах, он бывал редко, только когда приезжали гости» [Чехов 1986: 56].

По воспоминаниям Т. Л. Сухотиной-Толстой, известно, что комната раньше была нежилой:

«В те старинные времена комната со сводами не была жилой комнатой, а кладовой для хранения всякого рода провизии.

В потолке этой комнаты вделаны большие железные кольца, существующие и теперь. В прежние времена к этим кольцам подвешивались окорока, сушеные травы, сухие грибы и фрукты и другие деревенские запасы» [Сухотина-Толстая 1980].

В этом кабинете Толстой изображен на другом знаменитом репинском портрете.

Чехов показывает, как его герой не может соединить в повседневной жизни хозяйственные заботы и чтение:

«В первое время мне казалось, что эту рабочую жизнь я могу легко помирить со своими культурными привычками; для этого стоит только, думал я, держаться в жизни известного внешнего порядка. Я поселился тут наверху, в парадных комнатах, и завел так, что после завтрака и

обеда мне подавали кофе с ликерами и, ложась спать, я читал на ночь «Вестник Европы». Но как-то пришел наш батюшка, отец Иван, и в один присест выпил все мои ликеры; и «Вестник Европы» пошел тоже к поповнам, так как летом, особенно во время покоса, я не успевал добраться до своей постели и засыпал в сарае в санях или где-нибудь в лесной сторожке — какое уж тут чтение?» [Чехов 1986: 68].

Это описание как будто диаметрально противоположно постепенно возникавшему пристрастию к книгам Николая Ростова, который все силы тратит на хозяйственные занятия, в отличие от разорившегося (оставившего наследников без Отрадного) старого графа:

«Зимой он ездил по другим деревням и занимался чтением. Чтение его составляли книги преимущественно исторические, выписывавшиеся им ежегодно на известную сумму. Он составлял себе, как говорил, серьезную библиотеку и за правило поставлял прочитывать все

те книги, которые он покупал. Он с значительным видом сживал в кабинете за этим чтением, сперва возложенным на себя как обязанность, а потом сделавшимся привычным занятием, доставлявшим ему особого рода удовольствие и сознание того, что он занят серьезным делом» [Толстой 1951: 264].

Казалось бы, в этом сопоставлении Алехина с самим Толстым и его героями можно было бы предположить, если не прямую пародию, то по меньшей мере, ироническую полемику. Однако представляется, что объяснение придется искать более сложное.

В «маленькой трилогии» Чехов, как и в большинстве своих рассказов, намеренно уходит от однозначных оценок, тем более что все рассказчики здесь говорят «голосами», несомненно, отличными от авторского. Представляется, что не только в Оленине, но и в Левине и Нехлюдове Толстой также, снабжая персонажей своими мыслями, во все себя с ними не отождествляет.

В финале рассказа «О любви» наблюдается одна из характерных для Чехова ситуаций, называемых Ю.К. Щегловым «провалом коммуникации». Буркин и Чимша-Гималайский, выслушав историю Алехина, говорят как будто что-то абсолютно постороннее и не имеющее, во всяком случае, отношения к теме, вынесенной в заголовок:

«Буркин и Иван Иваныч вышли на балкон; отсюда был прекрасный вид на сад и на плес, который теперь на солнце блестел, как зеркало. Они любовались и в то же время жалели, что этот человек с добрыми, умными глазами, который рассказывал им с таким чистосердечием, в самом деле вертелся здесь, в этом громадном имении, как белка в колесе, а не занимался наукой или чем-нибудь другим, что делало бы его жизнь более приятной» [Чехов 1986: 74].

Представляется, что «что-то другое, что делало бы жизнь приятною», — это глубоко чуждое не только Чехову, но и Толстому «обывательское» представление об искусстве как о праздном приятном времяпрепровождении, позволяющем уклоняться от тягот повседневной жизни.

Само заглавие рассказа 1898 года «О любви», возможно, откликается на статью Толстого «Что такое искусство?», где он очередной раз формулировал абсурдное, с его точки зрения, общественное восприятие искусства:

«На поддержание искусства в России, где на народное образование тратится только одна сотая того, что нужно для доставления всему народу средств обучения, даются миллионные субсидии от правительства на академии, консерватории, театры. Во Франции на искусства назначается восемь миллионов, то же в Германии и Англии. В каждом большом городе строятся огромные здания для музеев, академий, консерваторий, драматических школ, для представлений и концертов. Сотни тысяч рабочих — плотники, каменщики, красильщики, столяры, обойщики, портные, парикмахеры, ювелиры, бронзовщики, наборщики — целые жизни проводят в тяжелом труде для удовлетворения требований искусства, так что едва ли есть какая-нибудь другая деятельность человеческая, кроме военной, которая поглощала бы столько сил, сколько эта.

Но мало того, что такие огромные труды тратятся на эту деятельность, — на нее, так же как на войну, тратятся прямо жизни человеческие: сотни тысяч людей с молодых лет посвящают все свои жизни на то, чтобы выучиться очень быстро вертеть ногами (танцоры); другие (музыканты) на то, чтобы выучиться очень быстро перебирать клавиши или струны; третьи (живописцы) на то, чтобы уметь рисовать красками и писать все, что они увидят; четвертые на то, чтобы уметь перевернуть вся-

кую фразу на всякие лады и ко всякому слову подыскать рифму. И такие люди, часто очень добрые, умные, способные на всякий полезный труд, дичают в этих исключительных, одуряющих занятиях и становятся тупыми ко всем серьезным явлениям жизни, односторонними и вполне довольными собой специалистами, умеющими только вертеть ногами, языком или пальцами» [Толстой 1983: 40–41].

Думается, что автору «Чайки» толстовское восприятие общественного отношения к искусству было далеко не чуждо.

Литература

- [Лакшин 1975] — Лакшин В. Толстой и Чехов. Изд. 2, испр. М.: Советский писатель, 1975.
- [Минц 2004] — Минц З. Г. Место «тургеневской культуры» в «картине мира» молодого Чехова (1880–1885) // Минц З. Г. Поэтика русского символизма. СПб.: Искусство, 2004.
- [Щеглов 2013] — Щеглов Ю. К. Избранные труды. М.: РГГУ, 2013.
- [Сухотина Толстая 1980] — Сухотина-Толстая Т. Л. Воспоминания. М.: Художественная литература, 1980. http://az.lib.ru/s/suhotinatolstaja_t_l/text_0020.shtml (доступ от 28.09.2016)
- [Толстой 1951] — Толстой Л. Н. Собр. соч. в 14 тт. Т. 7. М.: Художественная литература, 1951.
- [Толстой 1983] — Толстой Л. Н. Собр. соч. в 22 тт. Т. 15. М.: Художественная литература, 1983. http://rvb.ru/tolstoy/01text/vol_15/01text/0327.htm (доступ от 28.09.2016)
- [Чехов 1986] — Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем в 30 тт. Сочинения. Т. 10. М.: Наука, 1986.